

М.Н. Мырзаханова, С.Ж. Сейтенова
Е.Н. Мырзаханов, А.М. Аймуканова

Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан
(E-mail: myrzahanova@mail.ru, Saule.Seitenova@mail.ru, 87013961324@mail.ru)

Некоторые субъективные аспекты конфликта

Аннотация. Важным направлением изучения конфликта, как и других групповых феноменов, является аналитический обзор накопленных за рубежом и в нашей стране исследовательских данных за определенный период времени. Синтез конфликтологических проблем с положениями психологической и юридической науки представляет особый интерес. Дело в том, что многие социальные конфликты протекают в сфере правовых отношений, порождаются юридическими ситуациями, а затем и разрешаются юридическими средствами. В связи с этим был сделан некий обзор научных публикаций, посвященных изучению конфликтов в области малых групп, на примере анализа информационно-аналитических, эмпирических и методических данных. Отсюда возник интерес к изучению природы конфликта, его действию на разные аспекты активности организации, группы и ее членов, поиску технологий и методов управления конфликтом с целью минимизации его негативных последствий или извлечения из него полезных результатов.

Ключевые слова: групповой конфликт, субъективная сторона конфликта, урегулирование конфликта, поведение в конфликте.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6895-2020-133-4-205-212>

Поступила: 19.06.2020 / Доработана: 14.09.20 / Допущена к опубликованию: 10.11.2020

Введение. Субъективная сторона конфликта представлена множеством психологических элементов, участвующих в любой человеческой деятельности. Это аналитические действия и процесс принятия решения, эмоции и память, социальные установки и ценностные ориентации, внутренние нормативные механизмы и многое другое. Поведение в конфликте, однако, – это довольно специфический вид индивидуальной, групповой или массовой активности, требующий особой функциональной ориентации различных субъективных процессов.

Прежде всего поведение в конфликте часто сопряжено с сильнейшей фрустрацией, стрессом, возникающим из-за действий другой стороны. Это накладывает определенный

отпечаток на протекание иных субъективных процессов и характер действий субъекта. В ситуации сильного напряжения могут совершаться поступки, в обыденных ситуациях для людей невероятные как в смысле высокой эффективности действий, так и в смысле их полной неадекватности, ошибочности. Люди, вступая в конфликт, редко остаются хладнокровными, их поведением руководят сильнейшие негативные эмоции: гнев, ярость и т.п., подчас доходящие до полного аффекта. Серьезные искажения в связи с этими обстоятельствами могут происходить в субъективных образах происходящего противоборства, складывающихся у каждого из его участников. Эти искажения в восприятии касаются намерений и целей противника, результатов его

действий, деструктивная сила которых может значительно преувеличиваться.

Основная часть. В конфликте, затрагивающем жизненно важные интересы субъекта, мобилизуются все его внутренние ресурсы. В группах и крупных социальных общностях, государствах в таких случаях обычно устанавливаются соответствующий порядок и особые нормы поведения. Как известно, наличие внешнего врага способствует сплочению членов сообщества. Индивид по возможности максимально полно использует свои интеллектуальные или физические ресурсы в зависимости от того, какой характер принимает борьба. Субъекты, желающие достичь победы, максимально используют свои знания, умения и навыки. Во многих случаях важна скорость реакции или, для групп и крупных сообществ, скорость реагирования. В конфликте, подчеркнем, как в ситуации стрессовой и требующей немедленных действий, зачастую реализуются привычные, стереотипные, бессознательные реакции.

Субъект, участвующий в конфликте, как правило, находится в ситуации выбора, часто сопряженного с риском. Не следует думать, что выбор осуществляется всегда рационально, продуманно, со взвешиванием всех возможностей. Решение часто надо принять немедленно, кроме того, сторона может быть не в состоянии трезво оценить альтернативы поведения. Не все альтернативы могут осознаваться, круг выбора может быть заметно сужен, и это одна из причин неадекватных действий в конфликте, ведущих к ухудшению ситуации.

Но так или иначе – осознанно или неосознанно – определенный выбор осуществляется. Наиболее общие и типичные дилеммы, возникающие перед субъектом, вынужденным сделать выбор, описаны в работах К. Левина и его последователей [1, 34 стр.]. Это дилеммы «стремление – стремление», «избегание – избегание», «стремление – избегание» и «двойные стремление – избегание». Первый случай «стремление – стремление», когда субъект должен выбрать между двумя привлекательными альтернативами, как мы полагаем, не

типичен для ситуации конфликта, обычно сопряженного с максимальным ограничением всех позитивных альтернатив и постоянным присутствием альтернатив нежелательных. Поэтому мы остановимся на рассмотрении трех других случаев.

Дилемма «избегание – избегание». Это ситуация, когда приходится выбирать «из двух зол», ничего не приобретая. Внутренняя проблема здесь по сути состоит в том, какое решение позволит понести меньшие потери и с большей вероятностью сохранит имеющийся потенциал, энергетические ресурсы и т.п. (в том числе и необходимые для продолжения борьбы). Классическая фраза при нападении разбойника: «Кошелек или жизнь?» характеризует этот случай. В такую ситуацию обычно государство-агрессор ставит более слабое государство, предпочитающее нередко платить дань, нежели потерять политическую независимость.

Дилемма «стремление – избегание»: в этой ситуации одно и то же одновременно притягивает и отталкивает, как, например, это может быть в случае попыток применения насилия в межличностном или межгосударственном противоборстве. С одной стороны, эти действия достаточно эффективны и могут принести быструю победу, но, с другой стороны, они могут вызвать столь же массивную ответную реакцию и, кроме того, возможно, будут оценены как противоправные. Этот пример, кстати, показывает, что проблема выбора в конфликте тесно связана с действием социально-нормативных механизмов.

Дилемма «двойных стремления – избегания». Это дилемма, на наш взгляд, наиболее типична для конфликта. Она связана с комплексом противоречивых оценок ситуации, когда не в одной, а в двух (а в реальности – в нескольких) альтернативах усматриваются и позитивные, и негативные стороны. Именно эта проблема встает перед субъектом, выбирающим, например, между прямой атакой и обходным маневром, позволяющим застичь противника врасплох. Каждый вариант сулит свои выгоды, но каждый чреват потерями: в первом случае – в силах, во втором – во времени.

Как же осуществляется выбор решения при этих комбинациях? Согласно психологическим исследованиям, величина поведенческой тенденции (силы выбора) зависит одновременно от двух переменных: величины валентности цели и расстояния до цели, которое субъекту предстоит преодолеть. Понятно, что психологическое расстояние до цели не сводится к пространственной удаленности. Это может быть дистанция во времени, количество необходимых промежуточных действий или их сложность, требующаяся для этого затрата сил и т.д. Да и притягательность цели – величина непостоянная и неоднозначная.

Н. Миллер выдвинул ряд гипотез, касающихся особенностей разрешения внутренних противоречий в рассматриваемых случаях: 1) тенденция стремления тем сильнее, чем ближе цель (градиент стремления); 2) тенденция избегания тем сильнее, чем ближе внушающий опасение объект (градиент избегания); 3) градиент избегания растет быстрее градиента стремления (это означает, что опасность воспринимается сильнее, чем выгоды от возможного противостояния); 4) в случае конфликта между двумя несовместимыми реакциями побеждает более сильная; 5) сила подкрепляемой тенденции реагирования возрастает вместе с количеством подкреплений (иными словами, повторяемость эпизодов конфликта существенно влияет на поведение участников) [2, 47 стр.].

Эти наблюдения позволяют в некоторых случаях объяснить выбор сторонами своей линии поведения в конфликте. Разумеется, этот выбор зависит от множества и других психологических факторов: интеллектуальных, эмоциональных, волевых, а также от совокупности внешних обстоятельств. Он может быть случайным, нетрадиционным, даже парадоксальным. Действительное решение подчас предсказать довольно трудно. Но если исходить из того, что все-таки это решение должно быть в достаточной мере рациональным, то некоторый свет на эту сторону вопроса проливают исследования по теории игр.

В общем плане поведение субъекта в конфликте определяется двумя комплексами

факторов – внешними обстоятельствами и особенностями субъекта, некими стабильными, присущими только ему характерологическими чертами. Силовой и интеллектуальный потенциал, эмоциональная устойчивость и степень подготовленности к стрессу, способность к рискованным действиям и многие другие черты могут быть отнесены к вполне устойчивым особенностям субъекта, позволяющим при определенных условиях прогнозировать его действия.

Положение субъекта в системе социальных связей, его статус могут играть решающую роль в исходах конфликтов с его участием и в характере самих конфликтов [3, 634 стр.]. Лидер и «человек со связями» всегда имеют не только большие возможности подавления противника, но и более широкий выбор альтернатив поведения. А человек «из низов», потерявший все и вся, люмпен – очень вероятная жертва притеснений, унижений, насильственных действий. «Изгои общества» становятся постоянными объектами травли и издевательств. Аналогичным образом преследуемая предрассудками и гонимая народность или нация становится жертвой непрекращающегося террора. Выбор социально приемлемых альтернатив поведения у таких субъектов обычно сильно сужен. «Изгой» и люмпен даже в обществах с развитой демократией не всегда могут воспользоваться прессой или судебными инстанциями для защиты своих прав. Подобные и иные ограничения заставляют искать другие, в том числе и незаконные, средства защиты [4, 634 стр.].

По данным групп ученых [5, 9 стр.], было просмотрено 50 журналов, одна часть которых имеет сугубо психологическую направленность, а другая включает психологию в качестве предметной области. Для обзора отбирались статьи, в которых изучалась та или иная проблематика внутри- или межгрупповых конфликтов малых групп (динамика и продолжительность конфликта, восприятие конфликта, связь конфликта с групповыми феноменами, поведение в конфликте, управление конфликтом и др.). Исключались статьи, в которых объектом выступали вто-

ричные и большие группы, рассматривались внутриличностные или ролевые конфликты. Кроме того, в расчет не принимались статьи, в которых конфликт анализировался вне группового контекста. Так, во многих статьях представлены исследования совладающего поведения, или стилей поведения, или коммуникативного потенциала и поведения, или доверия и др. в межличностном конфликте, а также урегулирования конфликта.

Из 28 выбранных для анализа статей в 19 представлены результаты эмпирического исследования конфликта в малой группе, в 7 содержатся информационно-аналитические обзоры литературных источников и в 2 описаны разработанные методические приемы. Не было обнаружено научных работ, содержащих мета-анализ какого-то аспекта проявления или урегулирования группового конфликта. Публикации эмпирической направленности охватывают ряд вопросов, касающихся стратегий поведения в конфликте, способов урегулирования конфликтного взаимодействия, связи конфликта с иными групповыми феноменами (сплоченностью, доверием, статусом, адаптацией). При этом большая их часть (94,7% статей от общего числа публикаций этого жанра) посвящена изучению межличностного конфликта, а значительно меньшая (5,3%) – одновременно межличностного и межгруппового конфликта. Не обнаружено работ, направленных на исследование исключительно межгруппового конфликта. В информационно-аналитических публикациях рассматривались такие вопросы, как значение роли третьей стороны в разрешении конфликтов [6, 600 стр.]; специфика типов реагирования в конфликтном взаимодействии в зависимости от его структурных компонентов и с учетом медиации, направленной на поддержание коммуникативного баланса в группе [7, 31 стр.]; влияние совокупности личностных характеристик (мотивационных, когнитивных, эмоциональных и операционально-деятельностных) на готовность к управлению межличностными конфликтами [8, 829 стр.]; действие социально-психологического климата на протекание

межличностных конфликтов, в том числе с точки зрения эффективности группы [9, 150 стр.]; внешние и внутренние факторы, способствующие предотвращению возникновения или влияющие на возникновение межличностных и межгрупповых конфликтов [10, 44 стр.]; влияние возрастных и гендерных особенностей на развитие конфликта [11, 33 стр.]; роль культурной принадлежности в протекании конфликта и поведении индивидов в конфликтных ситуациях [12, 1-15 стр.]. Таким образом, публикации подобного типа сфокусированы на нескольких основных проблемах: влияние характеристик группы и ее членов на особенности протекания конфликта и его последствий для самой группы; поведение в конфликте с учетом различных психологических внешних и внутренних факторов; управление конфликтом (межличностным и межгрупповым), а также профилактика возникновения и урегулирование конфликтного взаимодействия в группе.

Вхождение в ту или иную группу, сообщество обеспечивает большую гарантию безопасности. Однако тесная связь с группой предоставляет иногда вовсе непривлекательную возможность быть втянутым в конфликт только по причине принадлежности к этому сообществу.

Сколько таких предвзятых мнений встречалось и встречается в нашей повседневной жизни: «что русскому хорошо, то немцу плохо», «американцы негров вешают», «хитрый как сто китайцев» и т.п. Несправедливые и подчас оскорбительные и жестокие мнения такого рода, распространенные в разных культурах и субкультурах, рожают взаимное недоверие и подозрительность, способствуют напряженности в отношениях. Предубеждения играют свою активную отрицательную роль в отношениях между полами, различными возрастными и профессиональными группами. Служа одной из причин разобщения людей, разделения их по «лагерям», они выступают часто незаметными, на первый взгляд, побудительными силами как многих мелких повседневных стычек, так и крупных межгосударственных коллизий [13, 146 стр.].

Социальные установки и позиции, влияющие на ход конфликта, разумеется, не ограничиваются вышеописанными. Необходимо отметить также те психологические составляющие, которые, будучи прямым или косвенным результатом воздействия определенных социальных правил и норм, выполняют функцию внутренних, нормативных регуляторов поведения. Эти внутренние нормы, в частности, определяют характер допустимых действий в конфликте [14, 64 стр.]. На субъекта и при отсутствии внешних правил противостояния могут действовать определенные внутренние ограничения, заведомо не допускающие, например, применения грубой силы. Известно, что некоторые люди даже в критических ситуациях не могут ударить другого человека по лицу. Для определенного количества людей переход к физическим действиям в конфликте является чем-то вроде культурного табу. Есть, однако, множество абсолютно противоположных случаев, когда внутренние нормы предписывают применение насилия как наиболее эффективного средства во всех ситуациях [15, 78 стр.]. Государства-агрессоры, имеющие мобильную и всегда готовую к действиям армию, являются часто носителями идей насилия, что отражается и в характере государственных установлений, и в умонастроениях их граждан.

Описываемые нормативные регуляторы, как мы полагаем, касаются и оценок характера чужих поступков. У каждого человека существуют стереотипы оценки оскорбительности, унижительности чужих слов и действий, степени оказываемого на него силового давления или иного морального ущерба. В любой культуре что-то считается более оскорбительным, а что-то менее. В некоторых дуэльных кодексах, например, были приняты градации оскорблений, что имело отношение к дальнейшей процедуре дуэли. Эти устойчивые оценки у разных людей и в разных сообществах способны заметно – при их принципиальном сходстве – различаться, и благодаря только этому обстоятельству чьи-то действия могут неумышленно спровоцировать или усилить конфликт [16, 31 стр.].

У людей внутренние нормы этих двух типов пересекаются и с индивидуальными характерологическими особенностями, такими как чувствительность, восприимчивость, ранимость, с одной стороны, и напористость, авторитарность, агрессивность – с другой.

Различные социальные субъекты нередко являются носителями более сложных внутренних нормативных регуляторов, имеющих отношения к поведению в конфликте. Названные выше нормы двух типов могут составлять единый нормативный механизм, в котором закреплено определенное соотношение в интенсивности понесенного стороной ущерба и ответной реакции [17, 46 стр.].

В своей совокупности и в различных сочетаниях психологические характеристики формируют определенный устойчивый стиль поведения субъекта в разных конфликтных ситуациях. В обобщенном виде можно говорить о трех основных моделях поведения в конфликте и, соответственно, типах субъектов, которые в действительности, конечно, имеют множество промежуточных вариантов или вариаций [18, 11 стр.].

Деструктивный тип субъекта, склонного к развязыванию конфликта и усилению его вплоть до физического уничтожения или полного подавления противника. В быту это эгоист, зачинщик ссор и скандалов, в учреждении – кляузник, в толпе – инициатор беспорядков и разрушительных действий.

Субъекты конформного типа противоположны предыдущим. Их позиция пассивна и «удачно» дополняет предыдущую. Действуя в конфликте, они склонны скорее уступить, подчиниться, чем продолжать борьбу.

Конструктивный тип противоположен деструктивному в другом отношении. Если деструктивный тип заботится прежде всего о собственных интересах и готов развивать конфликт, то конструктивный стремится погасить конфликт, найдя решение, которое было бы приемлемо для обеих сторон [19, 45 стр.].

Заключение. Мы сказали о существенных с нашей точки зрения психологических особенностях субъектов как участников конфликта и прежде всего об их социальных установ-

ках, внутренних нормативных регуляторах и моделях поведения в конфликте. Уже по некоторым из упомянутых здесь признаков можно составить достаточно четкое представление о том, как будут строиться взаимоотношения между субъектами с этими характерными чертами. Однако для прогнозирования хода конфликта мысленного совмещения

разных моделей поведения, стереотипов и норм недостаточно. Любой конфликт имеет свою внутреннюю логику, особые пути развития. Научный анализ позволяет говорить об определенных закономерностях развития конфликтов, не исчерпывающихся простым наложением двух стратегий, или линий поведения.

Список литературы

1. Левин К.А. Конфликтующие структуры. – Воронеж: Юрист, 1967. – С. 34.
2. Миллер Н. Теория игр и экономическое поведение. – Москва: Юрист, 1970. – 47с.
3. Воробьев Н.Н. Развитие теории игр // Нейман Д. фон Моргенштерн О. Указ. соч., – 1998. – Т.3 № 5. – С. 634.
4. Воробьев Н.Н. Указ. соч., – 1998. – Т.3 № 5. – С. 645-655.
5. Сидоренков А.В., Шипитько О.Ю., Обухова Ю.В. Современные исследования конфликтов в области малых групп в отечественной психологии. // Психологические исследования. – 2017. - №. 557 (10). - С. 9.
6. Хачатурова М.Р. Стратегии вмешательства третьей стороны в разрешение межличностных конфликтов: обзор российских и зарубежных исследований. // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. - № 13(3). - С. 600–608.
7. Кашапов М.М. Учёт в медиации специфики типов реагирования на конфликт. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 16, Психология. Педагогика. - 2012, №. 3. – С. 31–41.
8. Шавырина А.Е. Готовность сотрудников организации к управлению конфликтом: содержание, структура, функции. // Современные проблемы науки и образования. - 2015, №. 1–1. – С. 829.
9. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Специфика социально-психологического климата межличностных конфликтов как фактора реализации форсайт-проектов. // Социальная психология и общество. – 2012. - №. 3. – С. 150–166.
10. Саппа Н.Н. Межличностные конфликты в курсантской среде и их преодоление. // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. - №. 2. – С. 44–47.
11. Кузьмина В.М. Межличностные конфликты в студенческой среде и условия их преодоления. // Общество: социология, психология, педагогика. – 2013. - №. 1. – С. 33–39.
12. Хухлаева О.В. Специфика конфликтов в классах со смешанным этнокультурным составом. // Психологическая наука и образование. - 2012. - №. 1. – С. 1–5.
13. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность – 2 изд. – СПб: Питер, М.: Смысл, 2003. – 860 с.
14. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. - Воронеж: Гигант, 1969. – С. 64.
15. Волошина Л.А. Нарушения нравственных норм как фактор насильственных преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. В. 40. – М., 1984.
16. Горький А.М. Социальные конфликты. – Москва: Юридическая литература, 1993. - С.31-33.
17. Довыденко П.Р. Социальные конфликты. – Москва: Юридическая литература, 1993. – С.46.
18. Otcа K. The annual on terrorism. New-York Time. -1986. –№ 7.– P.11.
19. Мырзаханова М.Н. Основы юридической конфликтологии и медиации. Учебное пособие. - Алматы: Эверо, 2019. – 45 с.

References

1. Levin K.A. Konfliktujushhie struktury [Conflicting structures] (Voronesh, Jurist, 1967, p. 34). [in Russian]
2. Miller N. Teorija igr i jekonomicheskoe povedenie [Game Theory and Economic Behavior] (Moscow, Jurist, 1970, 47p.). [in Russian]

3. Vorobiev N.N. Teorija igr i jekonomicheskoe povedenie [Development of game theory], Nejman D. fon Morgenshtern O. Ukaz. soch. [Neumann D. von Morgenstern O. Indicat. composit.], 5 (3), 634 (1998). [In Russian]
4. Vorobiev N.N. Ukaz. soch. [Indicat. composit.], 5 (3), 645-655 (1998). [In Russian]
5. Sidorenkov A.V., Shipitko O.Yu., Obukhova Yu.V. Sovremennye issledovaniya konfliktov v oblasti malyh grupp v otechestvennoj psihologii [Modern research of conflicts in the field of small groups in Russian psychology], Psihologicheskie issledovaniya [Journal of Psychological Research], 557 (10), 9 (2017). [In Russian]
6. Khachaturova M.R. Strategii vmeshatel'stva tret'ej storony v razreshenie mezhlichnostnyh konfliktov: obzor rossijskih i zarubezhnyh issledovanij [Strategies for Third Party Intervention in Resolving Interpersonal Conflicts: A Review of Russian and Foreign Studies], Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 13(3), 600-608 (2016). [In Russian].
7. Kashapov M.M. Uchjot v mediacii specifiky tipov reagirovaniya na konflikt [Taking into account the specifics of types of response to a conflict in mediation], Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 16, Psihologija. Pedagogika [Bulletin of St. Petersburg University. Pedagogy. Psychology Ser.], 3, 31-41 (2012) [In Russian].
8. Shavyrina A.E. Gotovnost' sotrudnikov organizacii k upravleniju konfliktom: sodержание, struktura, funkcii [The readiness of the organization's employees to manage the conflict: content, structure, functions], Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education], 1(1), 829 (2015). [In Russian].
9. Kondratyev M.Yu., Ilyin V.A. Specifika social'no-psihologicheskogo klimata mezhlichnostnyh konfliktov kak faktora realizacii forsajt-proektov [Specificity of the socio-psychological climate of interpersonal conflicts as a factor in the implementation of foresight projects] Social'naja psihologija i obshhestvo [Social psychology and society], 3, 150-166 (2012). [In Russian]
10. Sappa N.N. Mezhlichnostnye konflikty v kursantskoj srede i ih preodolenie [Interpersonal conflicts in the cadet environment and their overcoming], Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogy in law enforcement], 2, 44-47 (2016). [In Russian].
11. Kuzmina V.M. Mezhlichnostnye konflikty v studencheskoj srede i uslovija ih preodolenija [Interpersonal conflicts in the student environment and conditions for overcoming them], Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy], 1, 33-39 (2013). [In Russian]
12. Khukhlaeva O.V. Specifika konfliktov v klassah so smeshannym jetnokul'turnym sostavom [The specifics of conflicts in classes with a mixed ethnocultural composition], Psihologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education], 1, 1-5 (2012). [In Russian].
13. Hekhausen X. Motivacija i dejatel'nost' [Motivation and activity] (Piter Saint-Petersburg; Smysl, Moscow, 2003, 860 p.) [In Russian]
14. Lefebvre V.A. Konfliktujushhie struktury [Conflicting structures] (Voronesh, Gigant, 1969, p. 64) [In Russian]
15. Voloshina L.A. Narusheniya npravstvennyh norm kak faktor nasil'stvennyh prestuplenij [Violations of moral standards as a factor in violent crimes], Voprosy bor'by s prestupnost'ju [Issues of the fight against crime]. Issue 40 (Moscow, 1984). [In Russian]
16. Gorky A.M. Social'nye konflikty [Social conflicts] (Juridicheskaja literatura, Moscow, 1984). [In Russian]
17. Dovydenko P.R. Social'nye konflikty [Social conflicts] (Juridicheskaja literatura, Moscow, 1984). [In Russian]
18. Octca K. The annual on terrorism (New-York Time, 1986, No 7, p.11).
19. Myrzakhanova M.N. Osnovy juridicheskoy konfliktologii i mediacii [Fundamentals of legal conflict resolution and mediation]. Tutorial (Evero, Almaty, 2019, 45 p.). [In Kazakh]

М.Н. Мырзаханова, С.Ж. Сейтенова, Е.Н. Мырзаханов, А.М. Аймуканова

Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау, Қазақстан

Жанжалдың кейбір субъективті жақтары

Аңдатпа. Басқа топтық құбылыстар сияқты қақтығыстарды зерттеудің маңызды бағыты белгілі бір уақыт аралығында шетелде және елімізде жинақталған зерттеу деректерін аналитикалық шолу болып табылады. Психологиялық және заң ғылымының ережелерімен конфликтологиялық мәселелердің син-

тезі ерекше қызығушылық тудырады. Мәселе көптеген әлеуметтік қақтығыстар құқықтық қатынастар саласында туындайды, құқықтық жағдайлардан туындайды, содан кейін заңды жолдармен шешіледі. Осыған байланысты ақпараттық-аналитикалық, эмпирикалық және әдіснамалық талдау мысалын қолдана отырып, шағын топтар саласындағы қақтығыстарды зерттеуге арналған ғылыми басылымдарға белгілі бір шолу жасалды. Демек, жанжалдың табиғатын, оның ұйымның, топтың және оның мүшелерінің әртүрлі аспектілеріне әсерін, оның жағымсыз салдарын барынша азайту немесе одан пайдалы нәтиже алу үшін қақтығыстарды басқару технологиялары мен әдістерін зерттеуге қызығушылық туды.

Түйін сөздер: топтық қақтығыс, қақтығыстың субъективті жағы, жанжалды шешу, қақтығыстың мінез-құлқы.

M.N. Myrzakhanova, S.Zh. Seitenova, Y.N. Myrzakhanov, A.M. Aimukanova
Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Kazakhstan

Some subjective aspects of the conflict

Abstract. An important direction in the study of conflict, as well as other group phenomena, is an analytical review of research data accumulated abroad and in our country for a certain period of time. The synthesis of conflictological problems with the provisions of psychological and legal science is of particular interest. The fact is that many social conflicts occur in the field of legal relations, are generated by legal situations, and then are resolved by legal means. In this regard, a certain review of scientific publications devoted to the study of conflicts in the field of small groups was made, using the example of analysis of information-analytical, empirical and methodological ones. Hence, an interest arose in the study of the nature of the conflict, its effect on various aspects of the activity of an organization, group and its members, the search for technologies and methods of conflict management in order to minimize its negative consequences or extract useful results from it.

Key words: group conflict, subjective side of the conflict, conflict resolution, conflict behavior.

Сведения об авторах:

Мырзаханова М.Н. – автор для корреспонденции, кандидат медицинских наук, профессор кафедры юриспруденции Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, ул. Абая, 76, Кокшетау, Казахстан.

Сейтенова С.Ж. – магистр юриспруденции, кафедра юриспруденции Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, ул. Абая, 76, Кокшетау, Казахстан.

Мырзаханов Е.Н. – магистр юриспруденции, кафедра юриспруденции Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, ул. Абая, 76, Кокшетау, Казахстан.

Аймуханова А.М. – магистр юриспруденции, кафедра юриспруденции Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, ул. Абая, 76, Кокшетау, Казахстан.

Myrzakhanova M.N. – **Corresponding author**, Candidate of Medical Sciences, Professor of the department of Law, Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Str. Abay, 76, Kokshetau, Kazakhstan.

Seitenova S.Zh. – Master of Law, of the department of Law, Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Str. Abay 76, Kokshetau, Kazakhstan.

Myrzakhanov Y.N. – Master of Law, of the department of Law, Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Str. Abay 76, Kokshetau, Kazakhstan.

Aimukanova A.M. – Master of Law, of the department of Law, Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Str. Abay 76, Kokshetau, Kazakhstan.